

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

ОТНОШЕНИЕ К ДРУГОМУ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ И МЕНТАЛИТЕТЕ⁹

© 2018 г. В.А. Кольцова**, Е.Г. Синякина***

**доктор психологических наук, главный научный сотрудник лаборатории истории психологии и исторической психологии Института психологии РАН

***кандидат психологических наук, научный сотрудник лаборатории истории психологии и исторической психологии Института психологии РАН

e-mail: k.sinyakina@mail.ru

Почтовый адрес: 129366, г. Москва, улица Ярославская 13.

Аннотация: В статье рассматривается процесс зарождения, формирования и анализ такого психологического феномена, как отношение к другому в русской культуре и менталитете, его ни с чем не сравнимое своеобразие, проявляющееся в виде таких редких ментальных духовных качеств как готовность помочь, поддержать других, поделиться с ними своим насущным, доброта, милосердие. Выделены факторы формирования этих качеств, проанализированы формы их проявления в бытовой жизни народа.

Ключевые слова: отношение к другому, духовные качества русского народа, готовность помочь, поддержать других, поделиться с ними своим насущным, доброта, милосердие, менталитет, русская культура, факторы формирования и формы проявления духовных качеств русского народа

С.Л. Рубинштейн в работе «Человек и мир» писал о системе отношений «Я – другие» и в частности о том, что отношение к другому ближнему человеку должно быть сформировано как к «личностной индивидуальности» (Рубинштейн, 2012). Именно такое отношение пробуждает зарождение морально-нравственных взаимоотношений между людьми в обществе, ментальности, культуре. «Возлюби ближнего своего как самого себя», –

---

⁹ Работа выполнена по гос. заданию № 0159-2018-009

говорили древние. «Поступай с другими так, как хочешь, чтобы они поступали с тобой», – призывал людей Христос. Святитель Димитрий Ростовский в своей «Симфонии» писал, что *ценность человека* определяется его способностью любить другого человека; любовь – это единственная настоящая величайшая ценность, свойство и право свободного человека.

В работах А.В. Брушлинского человек рассматривается как носитель, субъект не только биологических, психологических и социальных свойств, но и *духовных*. Под духовными он понимает *высшие психологические образования* – цели, ценности, устремления, смыслы, идеи. Из этого следует, что духовная подструктура, согласно А.В. Брушлинскому, – это не некое «надпсихическое образование»; она представлена различными качествами психического как важнейшего «атрибута субъекта» (Брушлинский, 2006). Человек, достигший высокого уровня интеллектуального развития, личностной зрелости, обретает, наряду со способностью глубокого понимания мира и человека, *свойства духовности, нравственности, альтруизма*.

В этом плане идеи А.В. Брушлинского перекликаются со взглядами В. Франкла, определяющего *духовное как ценности и смыслы жизни*, И.А. Ильина, выделяющего такое *духовное свойство личности, как патриотизм*, то есть готовность действовать и даже жертвовать собственной жизнью во имя высших целей, других людей, родины.

Целью нашего исследования является процесс зарождения, формирования и анализ такого психологического феномена как отношение к другому в русской культуре и менталитете, проявляющегося в виде редких ментальных духовных качеств, выделение и рассмотрение этих качеств, а также факторов их формирования и форм их проявления в бытовой жизни русского народа как коллективного творца отечественной культуры, субъекта исторического процесса.

К духовным качествам русского народа, сформировавшимся в его многовековой истории, мы относим присущие ему *готовность помочь, поддержать других, поделиться с ними своим насущным, доброту, милосердие*, входящие в ядро его менталитета и выступающие проявлением его человечности, гуманистических ориентаций, нравственной зрелости.

О стремлении к *душевной чуткости, сердечной теплоте и искренней любви* к людям как отличительных чертах русского народа писали многие русские философы. Согласно И.А. Ильину, «русско-славянская душа» отличается предрасположенностью к *чувству, сочувствию и доброте* (Ильин, 2006). Эта *способность к сопереживанию, взаимовыручке и взаимопомощи в обыденной жизни и в сложных жизненных ситуациях* не случайна. Она имеет глубокие корни, сформировалась и закрепилась в истории народа под влиянием ряда объективных факторов.

К их числу относятся, во-первых, особенности *природно-географических и климатических условий*, в которых происходило становление и развитие нашего народа, протекала его жизнедеятельность. Очень выразительно об этом пишет известный русский историк В.О. Ключевский, отмечая, что жизнь русского народа проходила в тяжелой борьбе с природой («с лесами и болотами своей страны»). Короткое теплое время, недостаток плодородных земель, летние засухи и суровые зимние морозы, незначительность береговой линии морей – все это создавало огромные трудности для народа и требовало для их преодоления огромной затраты сил (Ключевский, 1993). Естественно, что выживание и осуществление трудовой деятельности в этих условиях объективно предопределяли необходимость консолидации усилий людей, их взаимной помощи и поддержки.

Во-вторых, вся история России связана с *борьбой за защиту государства от иноземных вторжений*. Как пишет И.А. Ильин, «Россия была издревле организмом, вечно вынужденным к самообороне» (Ильин, 2006, с. 65). Тяжелые

испытания, выпавшие на долю народа в период татаро-монгольского ига, ставшие следствием внутренней раздробленности русских земель, явились горьким и важным уроком, убедившим, что враг может быть побеждён только совместными усилиями, благодаря взаимной поддержке и помощи.

В-третьих, следует иметь в виду, что Россия вплоть до начала XX века являлась крестьянской страной, где крестьянство составляло около 90% населения, и именно здесь, в народной гуще, зарождались и укоренялись те черты, которые легли в основу российского менталитета.

Главным же способом жизни крестьянства на протяжении многих веков являлась *община*, выступавшая *исторически необходимой формой существования крестьян, условием их жизни*. Она не закабаляла человека, не принижала его, напротив, обеспечивала его реализацию как труженика и как личности в рамках существовавшего в дореволюционной России общественного строя (Поземельная община, 1898). Иных способов выживать, трудиться, развиваться при существовавших в то время низком уровне знаний и примитивных средствах труда не было. Только сообща, благодаря коллективным усилиям, взаимной поддержке и взаимопомощи, крестьяне могли вырастить урожай, обеспечить необходимые условия своего проживания. К.С. Аксаков пишет: «Община является той средой, в которой может получить свое осуществление идеал христианской любви. Это не контракт, не сделка, а проявление народного духа, союз людей, отказывающихся от своей личности и являющих общее согласие, как действие христианской любви. Она есть то высшее, то истинное начало, которому не предстоит уже найти нечто себе высшее, а предстоит только преуспевать, очищаться и возвышаться» (цит. по: Энциклопедический словарь, 1898, с. 213). Отсюда вытекают такие коренные черты русского народа, как *соборность, желание и потребность жить в «миру»*.

Взаимопомощь осуществлялась, прежде всего, при проведении *земледельческих работ* и проявлялась в выделении обедневшим крестьянам *посевного материала*, навоза для удобрения их наделов, *обработке всем миром* *полос заболевших домохозяев, вдов и т.д.* (Сборник материалов для изучения общины, 1880). В этом плане примечателен следующий пример. «В сообщении исследователя Блазновской общины Тверской губернии содержатся сведения о том, что ближайšie к деревне земли этой общины унавоживаются, так, что *зажиточный двор* кладёт на свои полосы больше удобрения, нежели *незажиточный*. На вопрос исследователя, не удерживает ли от удобрения *вероятие отдачи* удобренной полосы на следующий год другому двору – следовал такой ответ: “Бог даст, соберу хороший урожай, а там пусть пользуется другой, который не сдюжает удобрить с моё”. Благодаря такому порядку, замечает исследователь, здесь никто не смотрит косо на то, что *богатый на общем пастбище пасёт много скота* сравнительно с другими хозяевами, и вообще здесь *все очень бывают довольны* увеличением кем бы то ни было из хозяев числа голов скота» (Бауер, 1880, с. 244).

Общинность касалась всех сторон жизни русского крестьянина – не только совместных полевых работ, но и *оказания помощи сельчанам при возникновении у них сложных жизненных обстоятельств*. В случае пожара на огонь бросались всем миром; убогим, сиротам и вдовам помогали всем миром; подати платили всем миром; ходоков и солдат тоже снаряжали сообща. То есть, социально-экономические условия существования русского народа объективно способствовали формированию его *коллективизма и взаимопомощи*.

Следует отметить, что помощь со стороны общины оказывалась не только в виде *благотворительных действий*, но и путём *порицания и осуждения нерадивости, бесхозяйственности, лености, осуществления контроля над имущественным состоянием селян и стимулирования их трудовой*

активности. Так, «сельские общины принимали меры против окончательного разорения ослабевших домохозяев. Во многих из числа исследованных общин мир постоянно наблюдал за беднеющими крестьянами: чуть только начинала накапливаться недоимка за домохозяином, мир уже следил за тем, чтобы недоимщик не продавал скот, не отчуждал на сторону навоза, хозяйственных орудий, хлеба на корню и прочее» (Сборник материалов для изучения общины, 1880, с. 25). Исследование крестьян Старухинской общины показало, что они придают большое значение «*нравственному контролю* мира над своими членами; благодаря этому контролю каждый старается не отстать от других в работах, чтобы не считаться нерадивым хозяином. Связанные общими интересами, они хорошо *умеют ценить* хотя и бедного, но дельного хозяина, и *уважают его*» (Якушкина, 1880, с. 200). То есть, каждый домохозяин, который пользовался долей общинной земли, находился «как бы *под опекой общества* в течение всей своей жизни, и это от того, – говорит исследователь ундорской общины, – что интересы общины тесно связаны с внутреннею жизнью самих домохозяев» (Красовский, 1880, с. 375).

В-четвёртых, огромное влияние на формирование менталитета русского народа в целом и рассматриваемых нами качеств и взаимоотношений оказал *духовный фактор* – *Православие* с его заповедями любви («Возлюби ближнего твоего как самого себя»), жертвенности «за *друзья* своя», доброты, соборности и т.д. Как писал Ф.М. Достоевский, все народные начала, вызывающие восхищение, «сплошь вышли из Православия» (Достоевский, 1995, с. 133). Н.В. Гоголь также писал: «Хорошо взлелеянные в сердце семена Христовы дали всё лучшее, что ни есть в русском характере» (Гоголь, 1984, с. 452). На это указывали и такие известные исследователи русского народа, как В.С. Соловьёв, Н.О. Лосский, Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, С.Л. Франк, П.А. Флоренский, Л.П. Карсавин, К.С. Аксаков, А.С. Хомяков, И.В. Киреевский, Ю.Ф. Самарин, И.С. Шмелёв и др.

И.В. Киреевский отмечает, что в единстве убеждений, верования – причина консолидации русского народа, осознания им себя как одного живого целого. Из православного мировосприятия вытекали и определялись им *не только духовные, но и нравственные, общежитейские, юридические представления и понятия* русского народа. Христианские начала лежат и прочно сохраняются также *в бытовой жизни народа и в общественном устройстве России* (Киреевский, 1852).

Согласно А.А. Коринфскому, «суеверное общение с природой, отовсюду обступающей быт народа-пахаря, создавшее своеобразные взгляды на жизнь и ее запросы, не могло не выработать и своих самобытных законов нравственности, вошедших с течением веков в плоть и кровь. Свет веры Христовой, озарив темно-туманные дебри народной Руси, внёс в её жизнь новые понятия о пороке и добродетели» (Коринфский, 1994, с. 495).

На этой благодатной почве формировались представления о добре и зле, нравственных добродетелях и пороках. Добро, согласно народным воззрениям, – дело богоугодное, а зло – служение дьяволу. Соответственно, «добродетель – лестница на небеса, а порок – лестница в “преисподние земли”» (там же, с. 496).

Народная мудрость дала четкие определения этим мировоззренческим конструктам:

- «Добро делай – никого не бойся».
- «Зло творить станешь – на каждом шагу по всем сторонам оглядывайся».
- «Доброму человеку весь мир – свой дом; злему, порочному – и своя хата чужая».
- «Добродетель – на Страшном Суде твой свидетель; порок – лихой вóрог».
- «Грехом заживешь – и деньги наживешь, да никуда, кроме ада, не придешь; добрыми делами жить – и с сумою ходить, да в раю быть».
- «Добром жизнь украшается, что степь цветами; от греховной жизни цвет души вянет».
- «Час в добродетели проведешь, все горе забудешь».
- «Кто добро творит, тому Бог оплатит».
- «Сей добро, посыпай добром, жни добро, одеяй добром».
- «Порок – лихая болезнь».

- «Порочный человек – калека».
- «Испортил душу – сгнил заживо».
- «Кинь добро назад – очутится впереди».
- «Лихо помнится, а добро во век не забудется».
- «При солнце и зимой светло, при добродетели и в холод тепло».
- «Добрый человек проживет долгий век».
- «У добра ноги сами на прямой путь ведут; грех окольными путями пробирается, о каждую кочку спотыкается».

По мнению русского народа, «с добродетелью не всегда по соседству удача живет, но в ней... ближайший путь к покою душевному, а покой – родной брат счастью» (там же).

Таким образом, *добродетельное* поведение – *готовность помочь, поддержать человека, выразить ему своё сочувствие, разделить с ним горе и радость* – глубоко вошло в жизнь и бытовую культуру русского народа, стало неотъемлемой частью его менталитета.

Подтверждением этого является тот факт, что на Руси больше всего любили человека *душевного, доброго, сердечного, совестливого*. В русской деревне при оценке человека, меры его достоинства приоритет отдавался не его зажиточности, а именно *нравственным характеристикам*. Человек *милосердный, оказывающий благотворительную помощь*, всегда пользовался особым *уважением* односельчан. На это указывали исследователи, изучавшие по заданию Этнографического отделения Русского географического общества жизнь народа и его психологические характеристики во всех российских губерниях. Так, информатор А.А. Фомин из села Пречистого Ростовского уезда Ярославской губернии писал: «Уважение... приобретается не зажиточностью, а помощью бедным крестьянам при каком-либо случившемся с ними несчастье, нужде... Богатый, но скупой не пользуется уважением» (цит. по: Громыко, 1991, с. 89–90).

В основе данной установки лежало бытовавшее в народе представление, что Божьим наказанием является не бедность, а богатство. Понимание счастья

связывалось у простых людей «с нравственной чистотой и душевной гармонией, которым, по их мнению, не способствовало стремление к богатству. Гордились не богатством, а умом и смекалкой. Тех, кто гордился богатством, особенно не нажитым, а доставшимся по наследству, крестьянская среда недолго любила» (Белов, 1989, с. 58).

«"Душа-человек" – высшая архетипическая похвала у русских», – писал И.А. Ильин.

Интересные высказывания *о взаимосвязи добродетели и счастья* представлены в дневниковых записях-рассуждениях последней российской императрицы Александры Федоровны Романовой:

– «Быть великим – значит быть счастливым, – это одно из ошибочных мнений, которого придерживалась почти во все времена большая часть человечества. Быть добрым – значит быть счастливым, – вот тайна, доступная тем немногим мудрым и добродетельным, которые являются украшением не только сами себе, но и украшением ближних и Отечества»;

– «Потщиться сделать счастливыми своих ближних – это путь и к собственному счастью»;

– «Пока жив, можешь употребить жизнь на помощь ближнему. Жизнь – прекрасное дело»;

– «Мы всегда должны думать не о своих личных делах и удобствах, а о пользе ближним, которую можем принести»;

– «Сколько возможностей сделать хорошее мы упускаем, даже не осознавая ценности того, что упустили!»;

– «Кто перестает помогать другим, становится обузой и для себя»;

– «Невзгоды – это то время, когда нужно поддержать ближнего»;

– «Занимаясь благотворительностью, важно не потонуть в самоуважении»;

– «Настоящая добродетель – без свидетелей поступать так, как обычно поступают перед глазами мира» (Романова, 2008, с. 8–9; 2013, с. 9, 18) .

Важно отметить, что оставленные нам записи – это не просто рассуждения на тему милосердия и добросердечности, но все они подтверждены личными примерами из жизни государыни-императрицы и ее царственных дочерей. Вот лишь некоторые примеры этого:

«Александра Федоровна и Великие княжны Ольга и Татьяна добровольно приняли на себя тяжелейшую ношу служения сестер милосердия. Ее готовы были разделить и младшие дочери – Мария и Анастасия, но они еще не закончили курс обучения, и мать не допускала их до операционной. Хотя посещение больных не только разрешала, но и поощряла, и все Царские дети *практически ежедневно бывали в палатах* у раненых. Это стало их повседневной потребностью.

Сразу после объявления войны в царских дочерях произошла сильная перемена. Сосредоточенное углубленное выражение их немного похудевших и побледневших лиц пришло на смену прежде беззаботным детству и юности. В их глазах появилось совсем новое выражение. С первых дней войны для них началась новая жизнь.

В одном из залов Екатерининского дворца был устроен большой склад. Каждый день Великие княжны работали здесь над упаковкой бинтов, приготовлением корпии и шитьём белья для солдат и их семей.

Будучи совершенно чужыми всякой гордыни, при уходе во время войны за ранеными они называли себя сёстрами Романовыми: Романова первая, Романова вторая, третья и четвертая.

День у «сестёр Романовых» был расписан почти по минутам. Встреча санитарных поездов, дела по обеспечению госпиталей всем необходимым, а самое главное – помощь и опека раненых. Не только участие в операциях, перевязки, но и уход за выздоравливающими в палатах. Это было практически каждый день. Сотни и сотни человек ощутили на себе их заботу» (Святые царевны, 2009, с. 9–11).

«Весь день Великих княжон был посвящён раненым; им они отдавали всю любовь, ласку и заботу своих богатых любовью и отзывчивостью душ. *Жизнь раненых стала их жизнью, над ними они склонялись с глубокой любовью и нежностью, у их изголовий проливали слезы сострадания, из-за них часто не спали ночей, смертью кого-либо из них глубоко огорчались, а выздоровлению радовались со всей силой своих молодых впечатлительных душ.* Не было ни одного солдата и офицера в их лазаретах, который не был бы *ободрен и обласкан ими.* Выписываясь из лазарета, каждый раненый уносил с собой какой-нибудь подарок, данный ему на память от всего сердца. Каждый увозил с собой самое светлое, самое радостное воспоминание о Княжнах» (там же, с. 11–12). После выписки из Царскосельских лазаретов бывшие раненые, некогда лежавшие там, могли часто переписываться с той из Великих княжон, которая ухаживала за ними.

Еще когда будущее царевен было совсем не определено, им посвятил свое стихотворение Сергей Есенин. Поэт выступал в «Собственно Ея Императорского Величества лазарете» 22 июля 1916 года.

«В багровом зареве закат шипуч и пенен,

Берёзки белые горят в своих венцах.

Приветствует мой стих младых Царевен

И кротость юную в их ласковых сердцах.

Где тени бледные и горестные муки,

Они тому кто, шел страдать за нас,
Протягивают Царственные руки,
Благословляя их в грядущий жизни час» (Есенин, 2002, с. 34).

«От своей любимой тети, Великой княгини Елизаветы Федоровны, настоятельницы Марфо-Мариинской обители труда и милосердия в Москве, царские дочери усвоили мысль, что на земле нет ничего прочного, учились у нее, как у собственной родительницы, *милосердию и состраданию к ближним*. Великие княжны часто *посещали детские приюты*. Бедные сироты с нетерпением ждали прихода русских царевен, приносивших с собой столько *ласки и света*. Они бросались обнимать их, целовать им руки, ощущая в царских дочерях *искреннюю любовь* к обделённым судьбой детям» (Святые царевны, 2009, с. 12–13) .

Можно привести множество конкретных примеров, базирующихся на документах и отзывах выдающихся исследователей русского народа и корреспондентов Русского географического общества, подтверждающих, что *ценности милосердия, взаимопомощи, взаимной поддержки* глубоко укоренились в народной психологии.

Так, русских отличало *трепетное отношение* к людям обездоленным, нищим, гонимым, обиженным судьбой.

Исследователи отмечают особое «нищелюбие», присущее русскому народу. Пройти мимо человека, просящего милостыню, не накормить нищего, стоящего у порога твоего дома, *считалось* в народе *недопустимым*. «Крестьяне почитают почти за грех не подать во всякое время нищему, тем более что подача милостыни, по народному мнению, *служит для очищения от грехов*. Подают больше хлебом» (Фирсов, Киселёва, 1992, с. 13). Корреспонденты Русского географического общества из Вологодской губернии отмечают, что здешние крестьяне никогда не откажут нищему в хлебе и в ночлеге. *О*

внимательности селян к нищим и странникам пишут также информаторы из Белозерского уезда Новгородской губернии.

Известен случай, что в 1896 году среднестатистический русский крестьянин подал обездоленным 4 рубля милостыни, что в то время равнялось цене 4-х пудов хлеба (Энциклопедия обрядов и обычаев, 1996, с. 461).

Добросердечным отношением и к нищим, и к сослуживцам отличались многие *российские полководцы и военачальники*: А.В. Суворов, М.Д. Скобелев и мн. др. «Суворов всегда помогал нуждавшимся офицерам и был особенно милостив к нищим. Перед Светлым Праздником он тайно посылал в остроги по тысяче рублей на выкуп должников» (Зернышки, 2012, с. 9).

Просить милостыню не считалось зазорным. К этому прибегали крестьяне в случае, если хлебные припасы в доме иссякали задолго до нового урожая, а также погорельцы, лишившиеся крова. Крестьяне сочувственно относились к ним, пускали их в свой дом, делились с ними едой, давали одежду, домашнюю утварь. Как пишет В. Белов, «даже самые скупые хозяева под давлением общественной морали были вынуждены соблюдать обычай гостеприимства» (Белов, 1989, с. 57). Деревни, в которых нищим не предоставляли ночлег, «пользовались худой славой, что нередко влияло даже на женитьбу и замужество» (там же).

Любовью, защитой и покровительством в народе пользовались калеки и убогие. «Слепых без поводырей переводили от деревни к деревне, устаивали на ночлег к собственным знакомым или родственникам. <...> Не подвезти на попутных хромого, безногого, горбатенького или слепого могли только самые жестокосердные безбожники, не боящиеся греха и бравирующие такой “смелостью”» (там же, с. 57–58). Если в деревне был свой блаженный, его одевали и кормили *всем миром*.

Нормой было предоставление крова путнику, оказавшемуся в ненастье или в ночное время в деревне. При этом «в большинстве случаев крестьяне отказываются от платы за постой, а если и берут, то весьма умеренную, чаще всего, сколько сам проезжий положит», проявляя тем самым, своё бескорыстие (Громыко, 1991, с. 88). Существовала добрая русская традиция: звонить в колокола всем, в пути находящимся, заблудившимся, ищущим и не находящим дорогу на бескрайних русских просторах (Никифоров-Волгин, 2001, с. 402).

Помощь оказывалась даже вчерашним врагам, оказавшимся в русском плену. Во время Севастопольской кампании, писал Достоевский, раненых французов «уносили на перевязку прежде, чем своих русских», обосновывая это следующим образом: «Русского-то всякий подымет, а француз-то чужой, его наперёд пожалеть надо». Достоевский заключает: «Разве тут не Христос, и разве не Христов дух в этих простодушных и великодушных, шутливо сказанных словах» (Достоевский, 1995, с. 143).

Вот еще один показательный идентичный пример. «1877 год, Русско-турецкая война, сестра милосердия Ольга Яковлевна решает оставить летучий санитарный отряд и отправиться на передовую, в окопы, где она будет нужнее. Солдаты в окопах обрадовались сестре, как дети: “Сестричка с нами. Ах, душа Божья! Смотрите, ребята, смотрите, гостья дорогая!” <...> Мелькнуло её белое платье и большой красный крест, и только солдаты её и видели.

Турки из своих окопов заметили что-то до такой степени удивительное там, на страшной полосе между их и русскими позициями, что высунулись наружу. Среди павших при атаке их товарищей, согнувшись, бродила белая женщина. Вот она остановилась над одним из лежащих, сняла с себя сумочку и, вынув оттуда какой-то свёрток, опустила на колени. “Она перевязывает нашего раненого! Это – русский доктор”, – мелькнула у турок догадка. И вдруг они подняли вверх свои ружья и, махая нашим, все разом, словно сговорившись, приветствовали её криком: “Браво, ханум (женщина)! Честь и

слава тебе”. За свой подвиг Ольга Яковлевна была представлена к Георгиевскому кресту, – но *первую и самую высшую награду она получила там, над павшими турками на страшной полосе смерти, когда её приветствовали враги»* (Полушкина, 2011, с. 16–17).

В качестве подтверждения *готовности русского человека к оказанию помощи, его милосердия как неотъемлемой черты нашей жизни, как качества, без которого почти всякий русский человек просто не может существовать*, Н.О. Лосский приводит свидетельство австрийского немца, находившегося в России в плену, об отношении к нему окружающих его людей: «Какой особый народ русский. Все рабочие, а особенно женщины, относились к нам как к несчастным, нуждающимся в помощи и покровительстве. Иногда женщины забирали нашу одежду, наше белье и возвращали все это выглаженным, выстиранным, починенным. Самое удивительное было в том, что сами русские жили в чудовищной нужде, которая должна была бы убивать в них всякое желание помогать нам, их вчерашним врагам» (цит. по: Лосский, 1991, с. 296).

Для русского человека, по мнению Н.О. Лосского, характерны *незлопамятность*, отсутствие потребности в мщении, способность прощать нанесённые ему обиды, проявлять добрые чувства даже к тем людям, которые проявляют по отношению к нему неприязнь: «Нередко русский человек... испытывает сильное чувство отталкивания и неприязни другого человека, однако при встрече с ним, в случае необходимости конкретного общения, сердце у него смягчается, и он как-то невольно начинает проявлять к нему свою *душевную мягкость*, даже иногда осуждая себя за это, если считает, что данное лицо не заслуживает доброго отношения к нему» (Лосский, 1991, с. 294).

И, конечно же, большое место в жизни селян занимала *соседская помощь* тем, кто оказался в сложной жизненной ситуации, либо нуждался в чём-то. Она регулировалась целой системой норм поведения, существовавших в русской

общине, и мотивировалась осознанием, что каждый может столкнуться с жизненными трудностями, преодолеть которые в одиночку невозможно.

Взаимовыручку и помощь крестьяне оказывали друг другу и в каждодневной бытовой жизни. В. Белов пишет: «В деревне до мелочей была отработана *взаимовыручка*. Брать займы деньги считалось не очень-то приличным, но все остальное люди охотно давали и брали в долг. Мужики заимствовали друг у друга кожи, веревки, деготь, скальё, зерно. Давали на время полевой инвентарь и лошадь с упряжью. Женщины то и дело занимали предметы утвари, молочные продукты. Когда своя корова еще не доит, было принято брать молоко в долг, а у близких родственников – в дар. Занимали даже самоварные угли или хлебную закваску, если вдруг дома не оказывалось. Выручали друг друга и в большом, и в малом» (Белов, 1989, с. 139).

Община заботилась *о больных односельчанах*, помогая им в работе по дому, обеспечивая их пропитание и присматривая за их детьми.

Непреложной обязанностью считалась *помощь вдовам и сиротам* в проведении земледельческих работ и в их бытовой жизни. «Так, например, бесприютный сирота, вплоть до совершеннолетия, получает от каждого домохозяина на несколько дней в году более или менее продолжительное, сообразно платежным силам двора, помещение в этом дворе, пищу и одежду...» (Сборник материалов для изучения общины. 1880, с. 27). Обидеть вдову, отказать ей в необходимой поддержке считалось делом безбожным. Иногда община принимала решение *обрабатывать сообща* участки *сирот и вдов*, *осуществлять за них* платежи и повинности. Из общественных закромов им бесплатно выдавали хлеб.

Во время русско-турецкой войны 1877–1878 годов во многих общинах принимались решения сельского схода *о помощи семьям ратников*.

Помощь общины отдельной семье оказывалась *во время значительных семейных событий* – похорон, свадьбы, если семья в этом нуждалась.

Отзывчивость, соседская и родственная взаимопомощь наиболее явственно и ярко проявлялись на так называемых *помочах*. Этот обычай заключался в приглашении родственников и соседей для помощи в срочных работах, с которыми семья не успевала или не могла по тем или причинам справиться самостоятельно. Это был в полном смысле ударный, коллективный труд, продолжающийся от раннего утра до ночи и заканчивающийся общей трапезой. «Красота этого обычая совсем лишена внешней нарядности и броской, например, свадебной, декоративности; она вся какая-то нравственная, духовно-внутренняя», – пишет В. Белов. Пословица «дружно не грузно, а врозь, хоть брось», отражает экономическое, хозяйственное значение обычая. Кроме помощи в решении хозяйственной проблемы, «обычай предоставлял превосходную возможность *показать трудовое и профессиональное мастерство, блеснуть собственной силой, красотой и необычностью инструментов, проявить скрытое втуне остроумие*, познакомиться ближе, наконец, просто побыть на людях. Работа на таких помочах никому не была в тягость, зато польза хозяевам оказывалась несравнимой» (Белов, 1989, с. 295).

Каждый земледелец решал вопрос об участии в помочах для себя и своей семьи самостоятельно, но, как правило, отказа в них почти не бывало. Согласно русским обычаям и религиозным предписаниям, работа в воскресные дни и во время церковных праздников оценивалась как греховное дело и не практиковалась в крестьянском быту. Помочам же делалось исключение. Более того, отказ участвовать в соседской помочи в воскресенье или в праздничный день рассматривался в качестве греха и осуждался общественным мнением.

В советский период (конечно, речь идет не о 1920-х – 1930-х годах, а о

стабильном, сложившемся обществе) в общественном сознании утверждаются соответствующие духу русского менталитета *ценности коллективизма, патриотизма, жертвенности во имя высших целей, государственности, сотрудничества, взаимопомощи.*

В годы Великой Отечественной войны проявился *массовый героизм защитников родины, подлинное единение и усиление самоидентификации* народа. В этот период *проявились и получили развитие лучшие духовные качества* советских людей, отношение к другому зачастую становилось близким к эталону, достойному подражания.

Высшие нравственные ценности активно поддерживались и развивались через систему образования и идеологию детских и молодежных общественных организаций. Вспомним «Моральный кодекс строителя коммунизма», где они зафиксированы как важные моральные нормы.

Сохранились ли они у нашего народа сегодня? Да, безусловно, хотя, как показало исследование менталитета современных россиян, проведенное в рамках лаборатории истории психологии и исторической психологии Института психологии РАН в 2013–2015 г. (исследование проводилось при поддержке гранта РГНФ № 13-06-000651а), эти качества в большей мере выражены у представителей старших возрастов, чем у молодёжи, у жителей малых провинциальных городов и селян, чем у представителей мегаполиса, у людей семейных, имеющих детей, нежели у холостых и незамужних.

Литература

Бауер П.В. Блазновская община (Тверской губ.) // Сборник материалов для изучения сельской поземельной общины. Т. I. СПб., 1880. С. 238–256.

Белов В. Лад. Очерки о народной эстетике. М., 1989.

Брушлинский А.В. Избранные психологические труды. М., 2006. 623 с.

Громыко М.М. Мир русской деревни. М., 1991.

Гоголь Н.В. Авторская исповедь // Н.В. Гоголь. Собр. соч.: В 8-и т. Т. 7. М., 1984. С. 430–467.

Достоевский Ф.М. Дневник писателя 1877, 1880 август, 1881 годы // Достоевский Ф.М. Собр.соч.: В 15-и т. Т. 14. СПб., 1995.

Есенин С.А. «В багровом зареве закат шипуч и пенен...». Сборник стихотворений // Есенин С.А. «Это всё мне родное и близкое». М., 2002, С. 34.

Ильин И.А. Россия есть живой организм // Ильин И.А. О России. М., 2006.

Киреевский И.В. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России (Письмо к графу Е.Е. Комаровскому) // Московский сборник. М., 1852. Т. 1. С. 1–68.

Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций. М., 1993.

Коринфский А.А. Народная Русь. М., 1994.

Красовский В.Э. Ундоровская община (Симбирской губ.) // Сборник материалов для изучения сельской поземельной общины. Т. I. СПб., 1880. С. 332–388.

Лосский Н.О. Условия абсолютного добра: Основы этики. Характер русского народа. М., 1991.

Лосский Н.О. Характер русского народа. М., 2005.

Набожность Суворова // Зернышки. Добрые истории. Вып. 9. Рязань, 2012. С. 9–11.

Никифоров-Волгин В.А. Дорожный посох // Заутреня святителей. М., 2001. С. 399–469.

Романова А.Ф., государыня императрица. Слова добрые. Дневниковые записи 1908–1915 годов. М., 2008.

Рубинштейн С.Л. Человек и мир. СПб., 2012. 224 с.

Поземельная община // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1898. Т. 42. С. 186–225.

Полушкина Е. Сестра // Зернышки. Добрые истории. Вып. 1. Рязань, 2011. С. 16–17.

Сборник материалов для изучения общины. СПб., 1880.

Святые страсотерпицы Царевны–мученицы Ольга, Татиана, Мария и Анастасия. Жизнеописание по воспоминаниям верноподданных, близких и очевидцев. М., 2009.

Фирсов Б.М., Киселёва И.Г. Структуры повседневной жизни русских крестьян конца XIX века (опыт этносоциологического изучения) // Социологические исследования. М., 1992. № 4. С. 3–14.

Энциклопедический словарь. СПб., 1898.

Энциклопедия обрядов и обычаев. СПб., 1996.

Якушкина Е.М. Старухинская община (Тульской губ.) // Сборник материалов для изучения сельской поземельной общины. Т. I. СПб., 1880. С. 193–203.

THE RELATION TO THE OTHER IN RUSSIAN CULTURE AND MENTALITY

V.A. Koltsova*, E.G. Sinyakina**

* Doctor of Psychological Sciences, Chief Scientific Officer of the Laboratory of the History of Psychology and Historical Psychology of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences,

** Candidate of Psychological Sciences, senior fellow of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences

The article considers the process of the birth, formation and analysis of such a psychological phenomenon as the attitude to the other in Russian culture and mentality, its incomparable originality, manifested in the form of such rare mental spiritual qualities as willingness to help, support others, share with them their daily, kindness, mercy. Factors of formation of these qualities are allocated, forms of their manifestation in everyday life of the people are analyzed.

Key words: attitude to the other, spiritual qualities of the Russian people, readiness to help, support others, to share with them the vital, kindness, mercy, mentality, Russian culture, factors of formation and forms of manifestation of spiritual qualities of the Russian people